

«МЯГКОЕ» СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ РИСКА:
ПОСТПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ.

Савельева О.О.

Опубликовано в монографии «Социально-ориентированное управление
в условиях риска и неопределённости. М., Спутник+, 2012. С. 50-61

Социально-исторический процесс привел к вычленению особого вида социальной деятельности – управления. Наиболее общее представление об управлении - функция, направленная на обеспечение сохранения, функционирования и развития какой-то системы через оказание целенаправленного *воздействия* на эту систему. Управление присуще любой сложноорганизованной системе, в том числе биологической, технической. Если имеется в виду сохранение, функционирование и развитие социальной системы, то комплекс соответствующих воздействий идентифицируется как «*социальное управление*». В социальном управлении имеет место *социальное воздействие* на объект, определяемое нами как *асимметричное социальное отношение*, когда один социальный актор (управляющая система) получает возможность изменять сознание, поведение другого актора (управляемой системы) за счет своих целенаправленных действий.

Особенность социального управления заключается в том, что элементарные компоненты обеих подсистем – и управляющей, и управляемой - сознательные, деятельные индивиды, социализированные в определенном поле культуры и, следовательно, приверженные определенным ценностно-нормативным и знако-символическим системам, обладающие собственными интересами, рефлексией и т.д. Поэтому, в отличие, скажем, от технических систем, в случае социального управления определение управляющей системы (т.е. системы, проектирующей и оказывающей воздействие), как *субъекта управления*, а управляемой системы – как *объекта управления* возможно только с оговорками, поскольку «объект управления» состоит из *субъектов*. Соответственно, для решения всех задач,

связанных с социальным управлением, огромное значение имеет состояние сознания этих субъектов, их картина мира, мнения и настроения, уровень социального доверия и т.д., иными словами всё то, что формирует социальный контекст управления.

В современном мире общим контекстом социального управления является ситуация возросших социальных рисков. Само понятие риск в управлении означает вероятность наступления опасного, с точки зрения субъекта управления, события. Социальный риск – это вероятность возникновения социально опасных событий, т.е. событий, которые управляемой системой (каким-то социумом) будут расцениваться как негативные, нежелательные (это в самом мягком варианте).

На наш взгляд, социальный риск в той или иной степени присутствует в социальной жизни людей всегда. Нет абсолютной страховки от возникновения разного рода «неприятностей», не обусловленных непосредственно особенностями индивидуального бытования конкретного человека (например, особенностями его темперамента, биографией и пр.). Но есть некоторый «нормальный» уровень социальных рисков, который рефлексировался социумом как, практически, отсутствие риска. Социолог Н.Луман писал, что само слово «риск» возникло в Европе только в XV–XVI вв. [8: с.141]. Это не значит, что люди в предыдущие эпохи были абсолютно уверены в своём будущем, скорее, дело обстояло наоборот. Но они считали неопределённость жизненных перспектив естественным элементом своей жизни, не слишком зависящим от принятых ими или кем-либо решений. Как правило, преодоление негативных психологических настроений, связанных с такой неопределённостью, в традиционном обществе канализировалось через религиозные институты. Только эпоха Просвещения с её устремлённостью в будущее, с бурным развитием новых видов социальной деятельности, новых схем социального устройства поставила перед членами социума вопрос об осознании социального риска как социальной проблемы, о социальной рефлексии риска.

В современном мире ускорение социокультурной динамики заметно, что называется, «невооруженным взглядом». Соответственно, общество рефлексирует постоянно возрастающие уровни риска. Образно говоря, оно просто не успевает привыкнуть к одному уровню социального риска, отрефлексировать и принять его в качестве социальной нормы, как новые крупные социальные изменения формируют новые риски. Общество наблюдает, что ход событий всё убыстряется, соответственно, оно склонно считать, что уровень социального риска повышается везде и постоянно. Не в последнюю очередь, это связано с особенностью современного коммуникационного процесса. Современная система коммуникаций окончательно превратила мир, как и писал Г.Маклюэн, в «большую деревню», где все знают обо всём: цунами в Японии, свадьба принца Уильяма или выпавший в Испании снег становятся социальным фактом для всей «деревни». Возможности каналов массовой коммуникации соединяются с традиционной нацеленностью средств массовой информации на мультиплицирование чрезвычайных и, как правило, негативных событий («плохая новость – это хорошая новость, а хорошая новость – это вообще не новость» - старая журналистская поговорка). В условиях объективно высокой социокультурной динамики всё это ещё более утверждает людей разных стран, культур, социального положения во мнении о ненадёжности, «зыбкости» своих жизненных позиций и перспектив.

Как правило, в современном обществе ситуация социального риска связана с социальными страхами – предвосхищением значимой частью социума некоторых неприятных для них событий, ожиданием таких событий, осознанием их высокой вероятности. Такой социальный страх может быть связан с ожиданием людьми вполне определенного неприятного события (например, потери работы в связи с кризисом). А.Вежбицкая называет «страхом» именно такие локализованные негативные ожидания [3: с. 73]. Для обозначения постоянных негативных ожиданий, в каждом конкретном случае ситуативно не детерминированных, но ощущаемых

индивидами, она предлагает использовать немецкое слово «angst». В работах М.Лютера оно связано с идеей Ада как нравственной муки, которую человек испытывает на земле, считая себя отвергнутым Богом. Но в любом варианте социальные негативные ожидания в современных условиях связаны, в конечном счёте, с быстрыми социокультурными изменениями и возрастающими социальными рисками.

Такой социальный контекст выдвигает свои требования к социальному управлению. Субъектно-субъектный характер социального управления в условиях демократического гражданского общества обуславливает, что в распоряжении управляющей системы (правительства, например) остаётся всё меньше возможностей прямого властного воздействия, а наличествуют только возможности непрямого воздействия на социум. Фактически, в этом случае управляющее воздействие возможно только в виде адаптации форм, методов, средств воздействия к субъектным характеристикам тех людей, которые входят в управляемую систему, в том числе, не в последнюю очередь, - к их мнению о возрастании социального риска.

Роль управляемого социума в процессе управления – это роль *пассивного субъекта*: его характеристики учитываются, но сам он непосредственно повлиять на целеполагание и целеосуществление управляющей системы не может. Концепция интерпассивности субъекта социальных взаимодействий предложена С.Жижеком [5]. У социума нет прямых механизмов воздействия на управляющую систему, например, на государственную власть. Вместе с тем, через систему представительной власти (т.е. опосредованно) такое воздействие может быть оказано. Механизм демократической корректировки власти, смены власти предполагает, в частности, и снижение ощущаемого социумом социального риска. Именно поэтому столь болезненно были восприняты неоднозначные итоги думских выборов 2011 г.: часть общества сочла, что её субъективное пассивное право на корректировку власти, в том числе и на снижение уровня социального риска, было нарушено и риск возрос ещё более.

В современных условиях управляющее воздействие должно быть не только оказано управляющей системой, но и принято управляемой системой. В условиях возрастания субъектности управляемого социального актора и при отсутствии полномочий по прямому подчинению, речь может идти об управленческом воздействии на объект не как о прямом *подчиняющем действии*, а как, скорее, как о *влиянии*. По определению Дж. Тернера, «влияние включает в себя процессы, посредством которых люди прямо или косвенно влияют на мысли, чувства и поступки других людей» [18: с.14], что, безусловно, правильно, но он сам признает, что это слишком расплывчатое определение. Более четко понятие «влияние» сформулировано С.Московичи при выявлении оппозиции «влияние – власть»: влияние – это то воздействие, которое вызывает субъективное принятие поведенческого или психологического изменения, власть – воздействие за счет принуждения, в этом случае поведенческое или психологическое изменение носит характер вынужденного подчинения [21].

Концепция разграничения власти и влияния появилась относительно недавно и не стала пока общепризнанной. Чаще ссылаются на то, что еще в 40-х годах социальный психолог К.Левин обосновал позицию, согласно которой влияние есть проявление власти. И личное принятие (психологическое изменение), и публичное подчинение (поведенческое изменение, которое не обязательно сопровождается изменением психологическим) – следствия использования власти. Разность между принятием и подчинением обусловлена типом власти, использованной в том или ином случае. Личное принятие - следствие власти, основанной на информации, в случае публичного подчинения применялась власть, основанная на контроле вознаграждения и издержек. Но в современной социальной науке власть и влияние все чаще определяются как альтернативные процессы, хотя оба они направлены на изменение психологических и поведенческих характеристик людей. Влияние используется там, где возникает необходимость в «принятии» (конкретного

действия, новой модели поведения, ценностной ориентации, установки, нормы и т.д.). Следствием применения власти является «подчинение», т.е. «вынужденная уступчивость».

И подчинение, и принятие могут быть результатом социального управления. Это лишь разные формы результата, достигнутого управляющей системой посредством реализации функций управления. Но в условиях высокой и всё возрастающей значимости для успеха воздействия на социум субъектных характеристик этого социума, именно влияние, а не прямое подчинение становится «магистральным» путем социального управления. Управлять гражданами, постоянно испытывающими ощущение высокого социального риска, желательно лишь через «мягкое» воздействие на них, через влияние, а не прямое подчинение выработанному властью решению.

Каков механизм «мягкого» управляющего воздействия? Мы полагаем, что основа такого воздействия одновременно и объективна, и субъективна. Выработанное управленческое решение должно, по крайней мере, корреспондироваться с интересами управляемого социума. Если сформируется общественное мнение, что управленческое решение противоречит интересам, членов социума, то проведение его в жизнь может повысить уровень негативных ожиданий, ухудшить контекст социальных взаимодействий. Учёт реальных интересов социума – объективная основа успешного управленческого воздействия.

Субъективная основа мягкого управленческого воздействия – тот дискурс, в рамках которого управляющая система доводит своё решение до социума и реализует управленческое воздействие. Важно, чтобы управленческое воздействие было «переведено» в систему ценностей управляемой системы, учитывало представления формирующих её людей, их нормы, ценности, мотивы, мнения, стереотипы, социальные ожидания. Это повышает шансы на то, что данное решение будет внутренне принято социумом.

Для более глубокого объяснения субъективной основы управленческого воздействия воспользуемся концепцией «субъективной валидности», разработанной первоначально Л. Фестингером. Субъективная валидность – убежденность индивидуума в том, что некая идея, суждение, действие правильны, корректны, справедливы [18:с.18]. В основе субъективной валидности лежит приверженность индивида *социальной норме* как социально одобряемому стандарту чувств, мыслей и поведения, стандарту, выражающему определенные социальные ценности. На практике социальная норма выступает как совокупность требований и ожиданий, предъявляемых социумом (обществом в целом или группой) к индивидам. Стремление удовлетворить эти ожидания определяется в социологии как конформность. Если индивид делает заключение, что некое предложение (управленческое решение, суждение, мнение, установка, благо) соответствует социальным нормам и ценностям референтной для него группы, то, при возможности, это предложение будет принято на уровне интернализации (стойкой внутренней убежденности в правильности, «нормальности» мнения, решения, предпринятого действия и т.д.) [1:с.57]. Конформизм, по сути, желание подтвердить себя в определенной идентичности. Но личностная идентичность формируется, прежде всего, на основе социальной идентичности. «Человек, только осознав свою общность с той или иной группой, обществом, может выделить себя как автономное «Я», - подчеркивает один из авторов [17: с. 158]. Поэтому конформным может быть и желание быть самостоятельным, самодостаточным, иметь независимые суждения, если таковы одобряемые группой стандарты. Повторим - конкретные проявления конформизма зависят от норм и ценностей референтной для индивида группы, от ее ожиданий относительно индивида.

Для большинства людей мало приватной идентичности – т.е. только интернализации норм и ценностей, «частного конформизма». Идентичность должна быть публично заявлена, обозначена. Популярная сегодня теория

«управления впечатлением» («impression management») особо выделяет значимость такой «публичной конформности». Соответственно, власть должна постоянно производить и презентировать социуму модели «привлекательной идентичности». В традиционном обществе подобные модели формировались в рамках традиции, обычая, а «предложения» делались, преимущественно, в процессе межличностного общения в рамках групп. В условиях массового общества и то, и другое циркулирует в значительной степени в объективированном виде – в виде предписаний, оторванных от своих непосредственных носителей. Особенно доля такой объективации велика в информационном обществе, когда традиционные групповые связи все в большей мере заменяются опосредованными различными технологиями информационными контактами.

Модели доводятся до индивидуумов в массе своей в виде в виде некоторых информационных знако-символических конструкций. Возможности их «внутреннего принятия» социумом зависят от того, насколько «предложение» соответствует субъективной валидности аудитории. Соответствие же это достигается через использование определенных знако-символических кодов, выражающих важные для аудитории смыслы, а также нахождение релевантных аудитории каналов трансляции этих смыслов. Иначе говоря, большое значение в современном социальном управлении приобретает не просто влияние, а так называемое «символическое влияние», когда передаваемое в целях воздействия на аудиторию сообщение кодируется в символах, т.е. знаках, выражающих обобщенный экзистенциальный опыт индивида и/или общности, апеллирующих к этому опыту.

Каковы сегодня, в условиях общества риска, актуальные формы и смыслы такого «символического влияния», посредством которых можно наиболее успешно задействовать в управлении механизм социальной валидности. По нашему мнению, сегодня, в условиях высокой социальной тревожности, постмодернистские ориентиры, ценности постмодерна

начинают исчерпывать свой потенциал воздействия на сознание и поведение людей. На смену просится иная система координат, которую ряд специалистов условно пока называет *постпостмодерн*.

Эта социокультурная парадигма, которая приходит на смену постмодерну, обсуждается в философской, культурологической литературе уже более 10 лет. Обратимся к работам признанного специалиста в этой области – философа Н.Б.Маньковской [9;10;11]. XX век она определяет как век нон-классики, время пересмотра принципов Ренессанса и Просвещения. Крайними точками нон-классики, по её мнению, стали авангард (начальная точка) и постмодернизм (конечная точка). Для авангарда характерна революционность, концепция «нового человека», стремление переустроить мир. Человек авангарда – это «внешнеориентированный» человек, охотно взаимодействующий с другими. Он согласен на социальный риск ради «светлого будущего».

Парадигма постмодерна очевидно оформилась в конце 70-х годов XX в. Его основой стала ориентация на индивидуальный мир человека, предпочтение интересов и прав личности интересам и правам группы и общества. Фрагментация общества вплоть до отдельного человека – так можно логически выразить сквозной принцип постмодерна. Доведённая до абсурда, эта логика приводила к отрицанию существования плохого и хорошего, правильного и неправильного, добра и зла, высокого и низкого. Внешним проявлением этой логики стало, например, стремление актуализировать весь мировой опыт, весь культурный багаж, включить его в современный контекст, но в виде ироничного цитирования «прошлых побед», интерпретации на уровне стеба. «Ты не обязан следовать накопленному социальному и культурному опыту, с ним можно разве что весело играть, создавая новые, прежде невиданные комбинации, которые, впрочем, тоже нельзя воспринимать всерьёз и навязывать другим», - как бы говорили адепты постмодерна. «Игра с хаосом» в постмодерне направлена не на переустройство мира, а, наоборот, – на «стремление комфортабельно

устроиться в нем» (Н.Маньковская). «Бери от жизни всё» можно считать мессидж-слоганом постмодерна. Если каждый «возьмет от жизни всё», не мешая соседу делать то же самое, то тем самым сформируется общество благополучных, удовлетворенных своей жизнью людей. «Конец истории» объявил в своей знаменитой статье, написанной в 1989 г., Ф.Фукуяма [19].

Но исчерпание постмодернистского посыла произошло достаточно быстро – уже в середине 90-х ситуация стала технологически (интернет), политически (крах неолиберализма), социально (радикализация среднего класса), культурно (актуализация фундаментализма) и эстетически (новый натурализм, неоакадемизм) переопределяться. Только брать оказалось скучно и даже унижительно, людям захотелось что-то делать, в том числе и ради «светлого будущего». Хаос стал не просто утомлять, а расцениваться как фактор, существенно повышающий социальный риск. Эклектика, в т.ч. мультикультурная, не привела к созданию нового единства, но привела к противоречиям и конфликтам « у родного порога», т.е., опять же, к росту социального риска. Наплыв беженцев из Северной Африки в Европу весной 2011 г. довольно четко определил границы толерантности «коренных» европейцев. Новые технологии позволили перейти от игры с реальностью (как в постмодерне) к изменению реальности на практике. Тут уместно вспомнить политические «мобы» 2010-2011 годов, значительную роль в которых сыграли такие коммуникационные каналы, как социальные сети.

На таком социокультурном фоне на рубеже XX и XXI веков в интеллектуальной среде стала выкристаллизовываться совокупность взглядов и концепций, получивших название *постпостмодерн*. Впрочем, новая платформа не получила пока своего окончательного названия. М.Эпштейн [20] обозначил её как «прото-мировоззрение», Д.Пригов назвал свою первую статью о новые тенденции символично: «Без названия» [15]. Высказана мысль, что лучше всего смысл новой парадигмы передает приставка «нео», поскольку её составляющими является возврат к «утраченным ценностям» — академизму, классике, реализму,

сентиментализму, новой искренности, духовности. Но термины неоклассика, неоакадемизм, неореализм уже заняты, а неосентиментализм, неоискренность, неодуховность не обладают достаточной полнотой для характеристики явления в целом [4]. Термин «неопостмодернизм» также неприемлем, поскольку по некоторым позициям речь идёт не о «совершенствовании» постмодернизма, а, скорее, о прямой оппозиции ему.

С временными рамками научного оформления нового парадигмального основания миропонимания также есть неясности. Так, научный взгляд в России на данный феномен появился в конце 90-х [7; 9], публицистические работы – ближе к началу 90-х в рамках школы московского концептуализма [20; 15]. В некоторых исследованиях «днём рождения» постпостмодерна объявляют 1985 г., когда была напечатана повесть американского писателя Пола Остера «Стеклянный город» [14], в которой как бы стёрта грань между текстом и реальностью до такой степени, что читатель принимает пространство искусственно созданного текста за реальность и начинает «играть всерьёз». Впрочем, такая точка зрения не общепринята и некоторые относят эту повесть к «классическому» постмодернизму, считая, что 1985 г. – это ещё слишком рано для второй приставки [13].

Несмотря на достаточно скептические взгляды относительно самого существования постпостмодерна, вполне серьёзные исследователи занимаются уже проблемами идентификации тех составляющих, которые формируют принципиальную новизну этой парадигмы социальной жизни. Постепенно выкристаллизовались три компонента постпостмодерна: виртуализация пространства социальных взаимодействий, создание технообразов, служащих своеобразными аттракторами социальных взаимодействий, глокализация сообществ в рамках глобализации, транссентиментализм. Это как бы четыре кита, на которые этот он опирается.

Виртуалистика. Виртуальный мир уже не пародирует, а замещает реальность. Он претендует на статус реальности как таковой, в отцифрованном мире люди не столько играют, сколько осуществляют свою жизнедеятельность. Вполне насыщенную жизнедеятельность, если и не вполне ещё полноценную. Обыденные представления людей в условиях виртуального мира, социальных сетей мультиплицируются. Появляются совершенно новые возможности манипуляции массовым сознанием, причем отнюдь не только со стороны власти или владельцев СМИ. Социальная история блоггера А.Навального явственно это показала. Риск установления охлократии в условиях социальных сетей при общей тревожности социума очень высок. Необходима особая ответственность за принимаемые решения, просчёт не только их объективных социальных последствий, но и прежде всего того, как будут эти решения восприняты социумом, как они будут обсуждаться, какое мнение может сформироваться. Соответственно, технологии работы управляющей системы с управляемой именно в виртуальном пространстве становятся важнейшим условием реализации управленческих воздействий.

Технообразы (термин французского социолога и культуролога А.Коклен) - нематериальные, подвижные и нестабильные объекты, создаваемые в сетевом пространстве одними пользователями, изменяемые другими. В результате такой интерактивности все становятся соавторами, активным началом, субъектами социального действия. Этот объект живёт уже независимо от автора, является плодом «коллективного разума», но его многочисленные авторы и поклонники ощущают его своим творением, отражением своих мыслей и чувств. Происходит как бы диффузия творца и аудитории, появляется некое новое образование (кентавр), ориентированное на коммуникацию и потому реализующее себя в сети в виде некоего коллективного субъекта социального действия. Один из вариантов технообраза – виртуальный персонаж. Пример - Mr. Freeman таинственный сетевой человек, выпускающий широко цитируемые видеоролики с

неоднозначным содержимым. Не меньшую известность получила Масяня. Но таким технообразом может быть слово или словосочетание, имеющее самостоятельное значение («превед медвед»), слоган, собственно, любой концепт. Главная функция технообразов – быть аттракторами социальных взаимодействий, способствовать выбору самоорганизующейся системой одного из вариантов развития. Причем технообразы – это, скорее всего, так называемые «странные аттракторы», которые как бы «держат» в своей зоне членов данного сообщества, влияют на них, но предсказать поведение каждого из членов сообщества практически невозможно. В виртуалистике и технообразах очевидно проявляется фольклорная природа постпостмодерна, они характеризуют деятельностную сторону этой парадигмы.

Постпостмодерн формируется в рамках глобализирующегося социального пространства. Но в рамках глобального пространства идёт очевидный процесс *глокализации* социумов по разным основаниям. Причём каждый социум определенно видит свою уникальность по сравнению с другими глокальными сообществами. Так, по некоторым признакам, перестал в полной мере выполнять свои функции даже такой великий плавающий котёл, как США. Если постмодерн распространял необходимость учета уникальности на отдельную личность, то постпостмодерн переводит этот принцип на уровень социумов разных типов. Фактически, в постпостмодерне глокализация понимается как акцентирование социальной (а не индивидуальной) уникальности в рамках глобального социального пространства.

Содержательная сторона постпостмодерна - *транссентиментализм*, отражающий усталость от постоянных деконструкций нонклассики, продлившейся 100 лет. На практике, это возвращение к лиризму, уважительному, а не ироничному цитированию «высоких» образцов, деидеологизация исторического наследия, надежда на светлое будущее. И в этом отношении гламур, на наш взгляд, – более постпостмодернистская, чем постмодернистская эстетическая ориентация, ведь «шик и блеск»

воспринимаются его адептами без иронии, всерьёз. Но он, пожалуй, слишком далек от «вечных ценностей», сентиментальности, академизма. Сегодня на смену гламуру приходит новая - «ванильная» - эстетика. Её наивная искренность, ожидание светлого будущего, желание повседневной «утончённой красоты» ближе к постпостмодерну, чем «классический гламур». Гламур и ваниль находятся, на мой взгляд, примерно в тех же соотношениях, что барокко и рококо в XVIII. «Ванильные» сайты заполнены примерно следующим содержанием: Как на белый-белый снег вышли белые коты./ Невозможно не понять их печальной красоты.

Белое на белом... Красиво! У авангардиста К. Малевича тоже в начале века была серия картин «белое на белом». Было ли это красиво – так и не решённый в XX веке вопрос. Если говорить о современном изобразительном искусстве, то ироничные относительно «светлого будущего» А. Виноградов и В. Дубосарский – постмодернисты, а вот всерьёз «похожий на Брюллова» Н.Сафронов, брутальный фундаменталист А.Беляев-Гинтовт, неоакадемисты из Академии Т.Новикова – ласточки постпостмодернизма. В ещё большей степени новую эстетику отражает дизайнер О.Солдатова. Её называют «малым дизайнером большого стиля», приспособившим станцию метро «Маяковская» к повседневной носке. «Ей дана ловкость делать советское, большое и простое - модным, изящным и блестящим, из под её руки появляются маленькие и большие предметы, дарящие энергию радости», - так пишет художественный критик. Применительно к художнику постмодерна такие слова просто не придут на ум. По нашему мнению, наиболее значимой эстетической базой для формообразования в постпостмодерне может стать соцреализм. Большой стиль вызывает на сегодняшний момент, оживленный, если не сказать больше, интерес самых различных, в том числе и интеллектуально рафинированных аудиторий.

Итак, логичный вывод: *социально востребованным управленческим воздействием* в условиях общества риска скорее рано, чем поздно окажется,

во-первых, интерактивное виртуальное воздействие. Во-вторых, такое управленческое воздействие будет предполагать в качестве одного из элементов механизма управления создание технообразов фольклорного типа, соавтором которых станет управляемая аудитория и которые будут выполнять роль аттракторов необходимых управляющей системе социальных действий. В-третьих, такое управление должно быть ориентировано на глокальные социумы, которые, однако, являются компонентом глобального социального пространства. В-четвёртых, аксиология, в рамках которой будет осуществляться управленческое воздействие, будет предполагать приоритет «вечных ценностей», «светлого будущего», концепт счастья и т.п., снижающих ощущение риска повседневности. Эстетически эта аксиология будет, возможно, выражена в рамках некоторого нового «большого стиля», исторической основой для которого может стать неоклассицизм в разных его вариантах.

Специалисты по социальному управлению пока не работают с парадигмой постпостмодернизма. Но вот Дж.Ритцер – автор концепции макдональдизации, в своей книге доказывает, что общество постмодерна, несмотря, казалось бы, на полное противоречие принципу макдональдизации, очень хорошо с ним сочетается [16: с. 151-153]. Но, вместе с тем, именно Ритцер в той же книге говорит о тенденции к постмакдональдизации, к переходу к иному типу рациональности управления. Именно этот момент отметил, в частности, С.Кравченко [6, с.226]. Впрочем, социокультурная динамика сегодня столь высока, что через только намечающуюся идейную и эстетическую платформу постпостмодерна общество может просто «перескочить», продолжая жить с ощущением в очередной раз повысившегося социального риска.

Литература.

1. Арансон Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию. – М.: 1998.

2. Бузгалин А.В. Постмодернизм устарел...//Вопросы философии. –М.: 2004, №2.
3. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М.: 2001.
4. Елизаров М. Муха-1.//Сноб. - Режим доступа: <http://www.snob.ru/selected/entry/4241?preview=print>
5. Жижек С. Интерпассивность. Желание: влечение. Мультикультурализм. – СПб: 2005.
6. Кравченко С.А. Социологический постмодернизм: теоретические источники, концепции, словарь терминов. – М.: 2011.
7. Курицын В. Время множить приставки. К понятию постпостмодернизма// Октябрь. – М.: 1997, №7.
8. Луман Н. Понятие риска.//THESIS. – М.: 1994, №5.
9. Маньковская Н.Б. От модернизма к постпостмодернизму via постмодернизм // Коллаж. - М.: 1998.
10. Маньковская Н.Б. Хронотипологические этапы развития неклассического эстетического сознания//Эстетика. Вчера. Сегодня. Всегда. Вып. 1. - М.: 2005.
11. Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. Глава «Постпостмодернизм». - СПб: 2000.
12. Мофра Ф. Постпостмодернизм, или законченное прошедшее — (архео) модерность? От формы к эпохе постпостмодерности. // Художественный журнал. – М.: 2006, № 1/2.
13. Новикова О. Пол Остер «Стеклянный город». К вопросу о постпостмодернизме. - Режим доступа: <http://newlit.ru/~novikova/4458.html>
14. Остер П.Б. Стеклянный город// Остер П.Б. Нью-Йоркская трилогия: М.: 2010.
15. Пригов Д. Без названия // Искусство кино . - М.: 1994, №2.
16. Ритцер Дж. Макдональдизация общества-5. М.: 2011.
17. Танатова Д.К. Антропологический подход в социологии. – М.: 2004,
18. Тернер Дж. Социальное влияние. – СПб: 2003.
19. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. — М.: 1990, № 3.
20. Эпштейн М. Прото- или конец постмодернизма//Знамя. – М.: 1996, №3.
21. Moscovici S. Social Influence and Social Changes. - L.: 1976.

